

ПСИХОАНАЛИЗ И ПСИХОПАТОЛОГИЯ

Психическое отчуждение: последствия у детей и взрослых

Ф. Де Маззи

(Пер. с ит.: Р. Ф. Сахле)

Франко Де Маззи – психоаналитик, психиатр, действительный член Итальянского психоаналитического общества, бывший секретарь миланского отделения Национального психоаналитического института и президент Миланского центра психоанализа.

В этой работе я пытаюсь дать определение концепции психического отчуждения, особенно выделяя инфантильное психическое отчуждение. В первой части я развиваю свою гипотезу о том, что инфантильное психическое отчуждение, которое отделяет ребенка от мира отношений, вызывает психическое состояние воображаемо-чувственного типа, которое во взрослом возрасте может привести к психическому отчуждению психотического характера. Инфантильное отчуждение отличается от расстройства аутистического спектра, которое развивается иначе и идет иными путями. Во второй части работы я кратко описываю длительный анализ психотического пациента, жившего в инфантильном отчуждении долгое время. Постоянная работа над его особым способом создания диссоциированной реальности (чувственной в детстве и бредовой позднее) постепенно привела к разрешению психотического состояния и хорошему развитию эмоциональных навыков и способности к отношениям.

Ключевые слова: аутистический спектр, психоз, психическое отчуждение, синдром Аспергера.

В определенный момент, в процессе моих долгих размышлений о природе психотического состояния и о возможном аналитическом лечении, я думал о создании рабочей группы из детских психоаналитиков и психотерапевтов, у которых на попечении были трудные дети. Я был убежден, что для того, чтобы понять природу психоза, необходимо было исследовать жизнь тех детей, которым, казалось, было суждено стать психотиками во взрослом возрасте.

Постоянное внимание к случаям тяжелобольных детей позволило мне понять, что в некоторых из них уже присутствовали те психопатологические конструкции, которые могли вызвать разрушение, порой необратимое, во взрослом возрасте.

В то время как обычный ребенок постепенно расширяет свой кругозор и знания, тот, кому суждено стать психотиком, идет по обратной дороге: он уединяется в *психическом отчуждении*, в мире, созданном из чувственных фантазий, которые его вознаграждают и отделяют от реальной жизни. Такой ребенок использует разум не столько для понимания самого себя и окружающей действительности, сколько, наоборот, для создания приятных ощущений и восприятий.

Впоследствии мои взрослые пациенты дали мне тому подтверждение. Их история помогла мне понять, что в детстве они жили частично в диссоциированной реальности, в чувственном мире, который постепенно колонизировал их разум, вплоть до построения во взрослом возрасте грандиозной и преследующей психотической реальности. В результате длительного пребывания в отчуждении психика более не была ориентирована на мир отношений, а приняла на себя роль органа чувств по производству образов и повествований, переживаемых как реальные.

Для такого типа пациентов инфантильное психическое отчуждение не соответствовало миру игр и фантазий, в который входят и из которого выходят все дети, а было связано с построением альтернативной реальности, которая имела способность захватить их и изъять из мира отношений.

В их случае речь шла не только о действиях, воплощенных в жизнь в целях защиты от вторгающейся либо эмоционально неблагоприятной семейной среды, но и о построении активной структуры, которая гарантировала им состояние превосходства и самодостаточности, а также отсутствие потребности в человеческих отношениях.

Мелани Кляйн (1930) очень близко подошла к разработке этой концепции, когда говорила о детях, живущих исключительно в фантазиях; они полностью исключают реальность из своих игр, чтобы суметь сохранить мир чистой фантазии. Кляйн подчеркивает, что такие дети не выдерживают фрустрации, поскольку она возвращает их в реальность, и не способны сосредоточиться на занятии, которое имело бы отношение к реальности. Как мы знаем, Мелани Кляйн позднее придерживалась иной теоретической мысли о психозе, но это ее наблюдение остается ценным.

Винникотт (1971) в работе «Сновидеть, фантазировать и жить» утверждает, что в жизни некоторых пациентов существует расхождение между фантазиями, с одной стороны, и снами и реальностью – с другой. В этой связи он описывает пациентку, которая начиная с двухлетнего возраста создала четкое разделение между фантазийной жизнью и отношениями с реальными объектами, и говорит о ней как о девочке, которая, играя в чужие игры, всегда занята фантазированием.

В этой связи Винникотт отмечает, что в то время, как фантазия и сон наяву относятся к одному порядку, сновидения и жизнь в реальности относятся к другому порядку.

Сновидение соприкасается с эмоциональной реальностью: «Сон проникает в реальный мир в отношении с объектами, а жизнь в реальном мире проникает в мир сновидений». Напротив, «фантазирование остается отдельным феноменом, который поглощает энергию, но не способствует ни снам, ни реальной жизни» (р. 26).

Если сны и реальный жизненный опыт имеют тенденцию к вытеснению, то с фантазиями дело обстоит иначе: «Недоступность фантазий связана скорее с диссоциацией, чем с вытеснением» (*Ibid.*).

О'Шонесси (1992) также говорит об инфантильном психическом отчуждении, когда описывает ребенка, способного преодолевать фрустрацию, предвосхищая мыслительный процесс (например, плача до тех пор, пока мать не прибежит, чтобы его утешить), и менее удачливого, который эвакуирует фрустрацию (и реальность), вместо того чтобы ее преобразовывать. Этот второй ребенок не плачет, он молчит и концентрирует свое внимание на каких-то чувственных деталях. И таким образом начинается отчуждение, которое, опираясь на каналы восприятия, создает новую приятную реальность, освобождающую ребенка от зависимости от взрослого, необходимой для эмоционального развития и развития в сфере отношений.

Эмоционально-коммуникативные функции отсутствуют в начале жизни, они развиваются постепенно, когда и если появляются подходящие условия окружающей среды, то есть когда разум ребенка находится в контакте с разумом другого компетентного человека – матери или человека, который занимается его развитием.

Речь идет о неосознанных функциях, тесно связанных с эмоциями, которые относятся к бессознательному восприятию переживаний (*De Masi, 2000*), делающему возможными эмоциональную коммуникацию между людьми и понимание собственного душевного состояния и состояния других. Очевидно, в случае детей, которые живут в отчуждении, развитие этих эмоциональных функций отсутствует либо искажено.

Диссоциированная реальность

Что касается построения отдельного мира и диссоциации ребенка от коммуникативной реальности, я хочу подчеркнуть, что диссоциированная реальность функционирует в силу присутствия *новой чувственной реальности*, управляемой совершенно другими законами и принципами действия. Умственные действия в отчуждении не подчиняются законам нормального психического функционирования, они не могут быть ни вытеснены, ни «увидены во сне», чтобы трансформироваться в мысли, поскольку они имеют не психическую природу, а скорее чувственную. Другими словами, ввиду того что процессы, позволяющие репрезентировать и распознавать психическую реальность, искажены, бессознательное, как мы привыкли его представлять в его интуитивном потенциале, не может функционировать.

На самом деле человеческий разум можно использовать для разных целей: для понимания переживаемой эмоциональной реальности, для

создания эмоциональных связей, но также и для ухода от реальности мира отношений и создания личного мира чувственной природы. Дети в отчуждении, которых я наблюдал, не смотрят мультфильмы так, как это делают другие дети, которые, как только заканчивается просмотр, возвращаются к играм или другим занятиям. Эти дети остаются привязанными к событиям мультфильма, одержимо создавая последующие события, как будто они создают фильм, который продолжается в их сознании и главными героями которого могут стать они сами. Использование разума таким образом имеет существенные последствия для их социальной активности, их внимания в школе и их способности устанавливать дружеские связи со сверстниками. В каждом случае речь идет о создании чувственной умственной реальности, не символической и связанной с отношениями, а конкретной.

В предыдущей работе (*De Masi, 2006*) я провел различие между интуитивным воображением и побегом в воображаемое и подчеркнул, насколько важно дифференцировать творческую функцию воображения, необходимую для будущего, и построение параллельных миров, оторванных от реальности, как это происходит в отчуждении. Различные случаи таких детей приведены в некоторых моих книгах, например в «Уязвимости к психозу» (2006).

Ребенок, находящийся в плену отчуждения, не испытывает удовлетворения в отношениях с другим и не учится через эмоциональный опыт. Даже если он еще и не явно болен, ему суждено не узнать самого себя, не понимать эмоциональных реакций других и бояться опыта отношений, которого он не желает, не понимает и который причиняет ему страдания.

Даже если некоторые способы действия позволяют ему явно адаптироваться к реальности, в его эмоциональном развитии активизируется и укрепляется патогенное ядро, призванное помешать развитию его личности. В этой связи мы могли бы говорить о психотическом ядре личности, то есть о том, что в действие приведен некий беззвучный процесс, который будет беспрепятственно усиливаться.

Психическое отчуждение и психоз

Психопатологическая структура отчуждения, на мой взгляд, имеет сходство с психотической частью личности (*Bion, 1967*), цель которой – завладеть здоровой частью. Психоз завоевывает пациента, поскольку убеждает его в том, что альтернативный чувственный мир, новая реальность, значительно превосходит мир отношений, которые подразумевают зависимость, сложность и фрустрацию.

По этой причине, в отличие от кляйнианских авторов, я думаю, что ребенок, обреченный стать психотиком, движим не столько желанием уничтожить объект, сколько стремлением изолироваться от мира отношений, чтобы построить параллельный и бредовый мир, «в котором можно быть и делать то, что хочешь и что доставляет удовольствие» и в котором не нужно считаться с порой болезненной реальностью мира эмоций.

Дети, предрасположенные к развитию психоза, попадают в диссоциированный мир не только для того, чтобы защитить себя от страданий, но и ради удовольствия испытать иллюзорную самодостаточность и всемогущество, приносящие удовлетворение.

Часто психологически отсутствующие родители не понимают, что их ребенок не просто является мягким и спокойным, каким кажется, а уже замкнулся в альтернативном мире, в котором он формирует свою психопатологию. Некоторые из этих детей могут построить убежище, чтобы избежать эмоционально сложного или травматичного опыта, как, например, отсутствующая, тревожная или интрузивная мать. В таких случаях вмешательство окружающей среды приводит к невозможности испытать хорошую зависимость, необходимую для развития.

В процессе терапии со взрослыми пациентами, у которых развилось психотическое состояние, зачастую удается реконструировать наличие инфантильного отчуждения и понять, как их прогрессирующая диссоциация от реальности оставалась без внимания или даже неосознанно поощрялась родителями. Чтобы продемонстрировать эту гипотезу, во второй части своей работы я делаю отсылку к очень длительному анализу психотического пациента.

Психические убежища

Джон Стайнер (1993) написал очень вдохновляющую книгу «Психические убежища», о структурах, которые создают психические состояния защиты от страданий и боли, а также для избегания контакта с другими и с реальностью.

Психическое убежище может принимать на себя различные аспекты, которые простираются от укрытия в романтическом и сказочном мире, где все идеализировано, до мастурбационного уединения, характеризующегося порнографическим возбуждением.

Пациент, говорит Стайнер, может осознавать, что созданное убежище является безумным убежищем, жестокой и преследующей установкой, но тем не менее он предпочитает его тем страданиям, которые он испытывал бы, находясь вне его. Напротив, «пациент будто бы привык и даже свыкся с существующей ситуацией в убежище и извлекает из нее своего рода первертное удовлетворение» (Steiner, 1993, p. 30).

Стайнер описывает психические убежища как защитные действия во взрослой психической жизни; я, расширяя концепцию, рассматриваю их также как изначальное и раннее патогенное условие. По этой причине в то время, как Стайнер говорит об *убежище*, используя пространственную метафору для того, чтобы подчеркнуть его защитное значение, я использую термин *отчуждение*, чтобы главным образом подчеркнуть *чувственное использование* разума, то есть трансформацию психического функционирования в психопатологическую модальность, направленную против отношений, призванную постоянно развиваться.

Другими словами, я подчеркиваю тот факт, что в отчуждении создается воображаемый мир на чувственной основе, который поэтому

представляется реальным. Это две реальности, одна психическая, а другая чувственная, отдаленные и отделенные друг от друга, которые могут оставаться устойчивыми даже в течение длительного времени, но, как правило, воображаемая чувственная реальность склонна к расширению и подчинению себе здоровой части личности.

Отчуждение по своей натуре противостоит и подменяет собой психическую реальность отношений, которая является символической, эмоциональной и нечувственной. Два мира, альтернативный чувственный и психический, непримиримы; в некоторых случаях, согласно моей гипотезе, чувственное инфантильное отчуждение – это очаг развития психотического расстройства у взрослых.

В отчуждении все возможно и все может случиться. Искажая восприятие, можно настроить собственные чувства на всемогущее изменение психической реальности.

Концепция *инфантильного психического отчуждения*, которую я описал, сочетается, по моему мнению, с понятием *уязвимости к психозу* (De Masi, 2006) как набор психических действий, которые постепенно приводят «предрасположенного» ребенка к психозу во взрослом возрасте.

Аутистический спектр

По моему мнению, понятие инфантильного психического отчуждения мало используется концептуально специалистами, занимающимися эмоциональными проблемами в детстве, например нейропсихиатрами и сотрудниками территориальных центров. На самом деле эта патология зачастую диагностируется как расстройство аутистического спектра.

Аутизм также является нарушением развития у детей, которое ставит под угрозу социальное взаимодействие и вербальную коммуникацию ребенка, замкнутого в узком и однообразном мире. Родители, как правило, замечают первые признаки в течение первых двух лет жизни, а диагноз обычно ставится на третий год. Причины возникновения этого расстройства в настоящее время неизвестны, однако предполагается наличие проблем, связанных с развитием нервной системы и/или с окружающей средой.

В DSM-5 широкое распространение получило использование термина *расстройства аутистического спектра* (РАС или, на английском, ASD, *Autistic Spectrum Disorders*), которые включают ряд патологий или синдромов, имеющих в качестве общего основания некоторые общие поведенческие характеристики с разной степенью интенсивности. Такой диагностический подход приводит к некоторым очевидным угрозам. В первую очередь это объединение патологий, которые, даже если и связаны общими симптомами, имеют разное происхождение и развитие. Часто случается, что в так называемый аутистический спектр (диагноз чаще всего – синдром Аспергера) включаются дети с высоким уровнем психического функционирования, имеющие трудности с социализацией и успеваемостью в школе.

Я привожу здесь некоторые соображения, которые помогли мне отличить инфантильное психическое отчуждение от расстройства аутистического спектра. Например, в то время как аутистическое расстройство проявляется весьма рано, часто в возрасте около шести месяцев, психическое отчуждение проявляется запоздало, когда ребенок начинает вступать в контакт со сверстниками. Поначалу отчуждение не мешает общению с родителями, но влияет на обучение из-за трудностей с вниманием и концентрацией при выполнении школьных заданий.

Помимо этого, инфантильное психическое отчуждение в отличие от настоящего аутизма излечимо, если направить ребенка на аналитическую психотерапию, цель которой – выманить ребенка из-под чар отчуждения и открыть его для эмоциональных связей.

Теперь я хотел бы кратко представить материал ребенка, за которым наблюдала коллега-аналитик и который мне кажется соответствующим диагнозу психического отчуждения, нежели расстройства аутистического спектра¹.

Джованни – ребенок почти семи лет, у которого предполагается наличие расстройства аутистического спектра.

С первых лет жизни у него появились проблемы при приеме пищи: ест все, но за столом почти всегда «рассеян» и ест очень медленно, иной раз вообще не ест. Та же проблема возникает и в школе, поскольку в отличие от товарищей он медлителен и, когда они заканчивают есть, он начинает играть один и даже не доедает свою еду.

Засыпание также всегда было проблематичным, поскольку Джованни не удается «отключить» свой разум, всегда занятый фантастическим миром, который его постоянно будоражит.

С раннего возраста Джованни выполняет ряд быстрых стереотипных движений, которым он дал название «выстрелы ракет». Даже когда он очень взволнован или восторжен, он стреляет ракетами; например, когда выходит из душа, он стреляет ракетами, потому что ему очень нравится вода и ему никогда не хочется прекращать с ней играть. Впоследствии такие стереотипии умножились.

У него мало друзей, и, по словам родителей, ему «достаточно самого себя», поскольку он сам организует игры и строит из конструктора Lego.

По-видимому, он обладает высоким чувством морали, настолько, что даже критичен по отношению к товарищам, которые используют нецензурную лексику или не соблюдают правила. Он утверждает, что, когда вырастет, станет ученым или гением и изобретет ручку, которая, будучи подключена напрямую к мозгу, будет способна нарисовать все, что задумает человек. Очень любит математические операции.

Аналитик предлагает родителям завести «тетрадь ракет», то есть тетрадь для рисования историй/фантазий, побуждающих Джованни «стрелять ракетами», и строить с ним более чуткие отношения и эмоциональную связь: например, когда он выйдет из душа, сказать ему, что они

¹ Я обсуждал этот случай с коллегой Мануэлой Мориджа.

понимают его огорчение по поводу окончания занятия, которое его воодушевляло, и что ракеты можно заменить на объятия мамы.

На первой консультационной сессии Джованни показывает рисунок из тетради ракет, на котором он представляет себя Гоку (главным персонажем известной манги «Жемчуг дракона»), который, пока полицейский помещает руки внутрь робота, передавая ему необходимую энергию, поражает плохого персонажа мощнейшей ракетой, которая выстреливает из отверстия в его животе.

Во время первых двух сессий он не стреляет ракетами и говорит, что ему не скучно. Однако часто он теряет нить разговора и переключает свой взгляд и мысли на другие вещи. Аналитик зовет его и говорит, что нельзя делать две вещи одновременно, нужно делать что-то одно, чтобы хорошо это понимать и иметь возможность разделять это с другими. Джованни охотно соглашается, и его речь становится временами более связной.

Если бы я давал краткий комментарий по данному материалу, я бы сказал, что в фантазийном мире Джованни существует глубокое расщепление на добро и зло. Он, представитель добра, сражается со злом разрушительными средствами. Это ядро, которое может развиваться дальше в параноидальную форму, когда враги, представители зла, могут обратиться против него. Интересно наблюдать, что тело не переживается Джованни как часть Я, а как объект или оружие для запуска в космос всемогущим образом.

В случае Джованни власть фантазийного мира порождает утрату связи с миром отношений.

Однако это не относится к детям с расстройствами аутистического спектра. Они отделяются от остального мира, поскольку контакт с внешней реальностью усугубляет состояние потерянности и того страдания, которое им присуще. Взрослые люди с аутизмом, которые смогли описать свое психическое состояние, говорят о спутанном и хаотичном внутреннем мире, угрожающем и пугающем: «Представьте себе состояние гипервозбуждения, в котором вас преследует опасный агрессор в мире тотального хаоса» (*Grandin, 2011, p. 66*).

Люди, страдающие аутизмом, описывают свою изоляцию от мира разными способами: Пьер Карло Морелло приводит такую аналогию: это как «закрыться внутри стеклянного купола, размещенного над заледеневшей лагуной» (*Morello, 2016*); Тэмпл Грандин в свою очередь использует сходство со стеклянными дверьми или панелями, внутри которых она чувствовала себя как в ловушке (*Grandin, 2011*); Донна Уильямс описывает аутистическую замкнутость как поиск психического состояния, наполненного светом, красками и волшебством, для того чтобы сбежать из тягостной реальности, в которой она жила, то есть обрести необходимое и нужное утешение (*Williams, 2013*).

Чувственный разум

При отчуждении и в психотическом состоянии разум функционирует как *орган чувств*, который не подчиняется законам нормального психического процесса, не является инструментом мышления, а подобен *органу чувств*, который производит непрерывные чувственные образы, переживаемые как реальные.

Появление галлюцинаций свидетельствует о крайнем развитии психического отчуждения, в котором существовавшая внутренняя чувственная реальность выносятся наружу со всем содержанием страдания и ярости, которые ее сопровождают. Наделенные «чувственным» и конкретным качеством, галлюцинации легко обманывают пациента, поскольку они схожи с восприятием, которое в обычных условиях описывает окружающий нас мир.

Конечно, не всякое отчуждение заканчивается психозом; иногда этот процесс остается ограниченным и представляет собой утешительное бегство от реальности, которая ощущается слишком фрустрирующей.

Я помню одну свою пациентку, которая очень страдала во многих отношениях и которая фантазировала о любовной связи вместо реальных отношений. Если она встречала мужчину, который ей нравился, она проводила с ним время и, вернувшись домой, начинала фантазировать: путешествовала с ним, они страстно любили друг друга, и все это в фантазии. Пациентка не отвечала на возможный телефонный звонок от мужчины, а ограничивалась мечтами до тех пор, пока фантазия не иссякала. В таком случае она решалась снова встретиться с тем мужчиной, но не для того, чтобы развивать с ним реальные отношения, а чтобы продолжать подпитывать свою фантазию.

Я думаю, что отчуждение в фантазию, даже в тех случаях, где нет столь явно чувственного характера, мешает развитию личности и создает предпосылки для нестабильной структуры личности, лишенной смысла.

Хорошее описание психического отчуждения у взрослых мы видим на примере Обломова из одноименного романа Гончарова. Все повествование вращается вокруг неспособности Обломова встречаться с реальной жизнью и того очарования, которое вызывает в нем фантазия, заставляя поверить в проекты, которые никогда не осуществляются и раздражают его немногочисленных друзей, пытающихся вывести его из апатии.

Пациент

Я хотел бы представить случай психотического пациента, детство которого переживалось в состоянии явного и продолжительного психического отчуждения.

В работе «Разгадать тайну психоза» (2018) я подробно описал развитие этого длительного анализа. Однако здесь я сосредоточусь только на той части клинического материала, которая связана с гипотезами, о которых я только что рассуждал.

Франческо

Когда Франческо пришел в терапию, ему было около тридцати лет. Он уехал за границу, чтобы получить степень магистра, и там у него случился психотический эпизод, который привел его к госпитализации; вернувшись в Италию, он проходил курс медикаментозного лечения у психиатра с умеренной дозировкой психотропных препаратов.

До психотического эпизода он был убежден в том, что его ждет грандиозная карьера и он совершит такие открытия, что его будут считать спасителем человечества. Чтобы подтвердить самому себе реальность своих идей, он решил, что ему нужно завоевывать девушек. В один из таких случаев одна из них, несомненно, раздраженная его настойчивостью, покинула вечеринку, которую он организовал у себя дома, уехав с молодым человеком арабского происхождения. На следующий день Франческо выступил против этого молодого человека, который, по его словам, «украл» у него девушку. Чтобы казаться более устрашающим, он привел с собой знакомого сицилийского происхождения, пытаясь заставить поверить соперника в то, что его поддерживает мафия. Самый настоящий бред вспыхнул несколько недель спустя, когда Франческо, отправившись в другой город на конференцию, заметил присутствие трех участников-арабов. Он тотчас же подумал о заговоре: три араба пришли, чтобы убить его и отомстить за своего соотечественника. С этого момента бред заполнил каждое мгновение дня.

Вернувшись в Италию после непродолжительного пребывания в больнице в Германии, Франческо продолжил повсюду видеть врагов; его перевели под наблюдение психиатра, который в определенный момент порекомендовал ему аналитическую терапию, и, поскольку его мать проходила анализ, совет был встречен благосклонно.

Когда я его встретил, я сразу подумал о тяжелом психотическом состоянии и понял, что не смогу начать настоящую аналитическую терапию (он откровенно бредил и галлюцинировал). Тем не менее я решил встречаться с ним раз в неделю, чтобы попытаться понять, что может развиваться между нами и как я мог бы ему помочь.

Во время первых сессий Франческо, испытывая тревогу, описывал свои персекуторные ощущения беспокойно и фрагментарно. Помимо бреда, о котором говорил Франческо, он рассказывал мне, хоть и так же обрывисто, о своей жизни и поведал некоторые эпизоды своего детства и юности. Я продолжил видеться с ним раз в неделю: для меня было важно понять, как произошел психотический эпизод, и попытаться восстановить события хронологически.

Впоследствии, я начал видеться с ним два раза в неделю, по-прежнему лицом к лицу. Через несколько месяцев Франческо попросил меня приходить три раза в неделю, и в этот момент я предложил ему лечь на кушетку, что он сделал без затруднения; в итоге мы работали с периодичностью четыре сессии в неделю.

На протяжении длительного периода я внимательно слушал то, что он мне сообщал; я ограничивался тем, что пытался найти смысл в его

опыте, его чувстве ужаса и прежде всего в его мегаломании, из-за которой он ощущал себя всемогущим и убивающим своих преследователей.

Иногда я мог комментировать его персекуторные видения, которые состояли из внезапных обнаружений скрытых истин. В таких случаях я осознавал, что Франческо не использовал мышление, а рассказывал о непрерывных и внезапных озарениях. Вещи и люди вокруг него включались в уже созданные структуры мышления: вначале возникала идея сюжета, а затем восприятия формировались в соответствии с этой первичной структурой, изначально существовавшей. Озарение формировало его мысль, которая таким образом становилась антимыслью, местом, уже переполненным, в котором факты приспособлялись к озарению, а не наоборот.

Особенность этой терапии заключалась в том, что, хотя мои интерпретации, сосредоточенные на его грандиозном психическом состоянии, принимались, ситуация не менялась. Бред продолжал оказывать влияние на ведущие аспекты его жизни. Франческо не удавалось сохранить приобретенные на сессии осмысления: как он только он выходил, все перечеркивалось.

Я начал замечать, что вторжение бреда происходило также посредством вербальных связей: слова, вербальные созвучия, связи смежности занимали место реальных вещей, создавая соединения, которые расширяли его бредовое видение до бесконечности. Каждый раз, когда бред возвращался, я пользовался возможностью поделиться своими наблюдениями о его конструкции и трудностях выхода из него.

В этот период он приходил на сессию, рассказывая мне, что за день до сессии у него был бред, либо рассказывал мне о сне, который называл психотическим; во время сессии нам удавалось деконструировать бред, и сессия заканчивалась чувством облегчения. Трансформация опыта бреда, происходившая на сессии, которая могла напоминать работу сновидения, к сожалению, была мимолетной. На сессии Франческо чувствовал облегчение от тревоги, вызванной опытом бреда, который, к сожалению, вновь возникал после сессии и заканчивался тем, что он забывал всю проделанную работу.

Таким образом, бредовые конструкции были лишь внешне трансформированы аналитической работой; в реальности они оставались отпечатанными в психике, готовыми к немедленной повторной активации. Франческо временно освобождался от бреда, но не был способен реально его трансформировать. Для него бредовые фантазии были реальными фактами.

На пятый год анализа наступил период более регулярных осмыслений, в результате чего для него стало возможным переосмыслить качество своего детского опыта и реконструировать инфантильное происхождение психоза.

На одной из сессий он ясно увидел, что в детстве создал всемогущий воображаемый мир, который заменил реальность; он понял, что психическое отсутствие родителей, которых он тем не менее любил и которыми восхищался, заставило его почувствовать себя во власти фантастического мира, который не позволял ему научиться чему-либо на реальном опыте.

Он даже считал себя не ребенком, который должен вырасти, а мудрецом, который должен вести, ругать и направлять родителей.

В этой связи он принес очень знаменательный сон.

Он в кино со своими родителями и несколькими их друзьями. Во время фильма ему хочется испражниться, что он и делает немедленно и с большим удовольствием. Взрослые чувствуют неприятный запах, громко сетуют, но в конце фильма начинают отчищать экскременты. Никто из них не ругает его и не говорит, что он не должен делать подобное.

Франческо связал сон с тем фактом, что его родители никогда его не сталкивали с реальностью и оставляли его в его всемогуществе, свободным жить так, как он хотел. Во сне его поразило то, что никто из взрослых не посчитал его ответственным за то, что он сделал, и не отругал его.

Летом седьмого года анализа у Франческо случился тяжелый психотический эпизод во время отпуска с молодой иностранкой, с которой у него начались отношения. Предбредовое состояние началось еще до отъезда. Так мне удалось реконструировать ситуацию после того, как пациент вернулся в анализ.

Франческо идеализировал отношения с этой молодой женщиной, считал, что они были идеальной парой, и хотел, чтобы их отношения длились вечно. Девушка приехала в Италию на работу и, уверенная в том, что рано или поздно вернется домой, хотела познакомиться с людьми, полезными для ее профессии. Ее пригласили на вечеринку, и она попросила Франческо составить ей компанию, что он сделал с неохотой. Во время вечеринки он заметил мужчину, явно сексуально возбужденного (он увидел его эрегированный пенис!), который начал болтать с его молодой подругой. Во время отпуска Франческо убедил себя в том, что его девушка находится в состоянии сексуального возбуждения и что она встречается с другими мужчинами, когда ночью встает, чтобы сходить в туалет. Франческо держал эту идею при себе, пока однажды вечером, когда они ужинали в маленьком ресторанчике, ему не стало ясно, что официант, который казался ему довольно навязчивым, пришел убить его.

Вернувшись в Италию, он оставался в той же ситуации около месяца; он отказывался видеться с молодой женщиной, поскольку в тот единственный раз, когда он снова встретился с ней, Франческо опять бредил: когда девушка дала ему послушать песню из своей страны, он посчитал, что в этой песне содержится послание о его смерти.

Важный этап в жизни Франческо начался на десятом году анализа: он познакомился с новой женщиной, Анной, которая, казалось, обладала многими положительными чертами. Спустя несколько месяцев после знакомства они решили начать жить вместе. Присутствие Анны имело благотворный эффект на его жизнь: девушка побудила его быть активным, подтолкнула к поиску работы и отдала его от той атмосферы пассивности и отчуждения, которая держала его запертым дома.

«Свободные интервалы» стали длиннее, и общая персекуторная тревога снизилась, что позволило ему развить большую способность к отношениям. Однако в определенный момент даже отношения с подругой были отравлены бредом. Франческо стал очень подозрительным и думал,

что Анна была с ним только из-за денег (которых у него не было, учитывая, что именно его родители платили за анализ и содержали его). Когда Анна сказала ему, что забеременела, он услышал выстрелы с улицы и был убежден, что это был сигнал преследователей, праздновавших свой триумф – его девушке удалось обмануть его, чтобы завладеть его богатством и убить его с помощью семьи (он только что посмотрел фильм, в котором главного героя убили).

Теперь я хочу сфокусироваться на этом последнем опыте бреда, сосредоточенного на семейной жизни, на женщине, с которой он жил и с которой у него был ребенок, – бреда, который также распространился на семью его подруги. Отмечу, что она сицилийского происхождения и поддерживает очень сильную эмоциональную связь со своими братьями и сестрами, которые, как и она, давно эмигрировали в Милан. Франческо никогда не скрывал своих трудностей при встречах с этими родственниками, которых он не понимал и которые заставляли его чувствовать себя неуютно: они принадлежали к социальному и культурному кругу, отличному от его, и это ему мешало развивать с ними эмоциональный контакт.

В определенный момент эти родственники, такие таинственные и далекие, стали главными действующими лицами заговора против него: они решили его убить, чтобы завладеть его «богатством», и Анна согласилась с ними. Казалось, что действительно в этот момент Франческо одновременно жил в двух отдельных реальностях, одной – бредовой и другой – нормальной.

На одной из сессий он признался мне в том, что не спал всю ночь, что боялся, что его убьют, что бесконечно наблюдал, как энтомолог, за лицом своей подруги, чтобы понять, была ли она убийцей или хорошей матерью, которая знала, как позаботиться о своем ребенке. На пике тревожности он спросил, можем ли мы провести пятую сессию до конца недели, и я ответил ему, что да; вскоре предстояли пасхальные каникулы, я беспокоился о нем и надеялся, что с помощью еще одной сессии я смогу ему помочь выйти из этой тревожной ситуации. Однако на этот раз я сильно в этом сомневался; хотя в предыдущие годы я много раз анализировал динамику бреда, в тот момент я чувствовал себя по-настоящему беспомощным.

Я не знал, что ему сказать. Подумав об этом, я попытался еще раз описать ему характер его бредового мира. Когда он впадал в бред, больше не существовало эмоциональных связей, которые удерживают людей вместе. Жизнь становилась джунглями, которыми управляли власть и жадность (две характеристики его преследователей).

Я сказал ему, что, когда он говорил о своей подруге, которая заботилась об их ребенке, он мыслил о реальном эмоциональном мире, но затем создавал другой мир, в котором она становилась бесчеловечной, убийцей. Я добавил, что он постоянно переходил из одного мира в другой и таким образом сосуществовали два противоположных и несовместимых восприятия (хорошая мать и подруга-убийца). Разница между реальным человеческим миром и бредовым бесчеловечным миром должна была помочь ему отличить реальность от бреда.

Я не знаю, воспользовался ли Франческо этой моей попыткой отличить бред от реальности, но на следующей сессии он мне сказал, что прошлой ночью он оставил постель, в которой спал один, чтобы вернуться к своей подруге и быть рядом с ней, рядом с ребенком, чтобы немного почувствовать человеческое тепло.

На последующих сессиях я подчеркивал тот момент, который всегда считал важным: одновременное существование двух несовместимых реальностей. Так же и в других случаях бреда я настаивал в разговорах с Франческо на этом аспекте, но в этот раз я снова взялся за него с большей решимостью. Во время этих встреч Франческо подтвердил, что он осознает наличие у него биокулярного видения реальности. Он выразился с большой точностью: он не сказал «биокулярное», но использовал термин «биокулярное», чтобы обозначить, что его видению не хватало интеграции, и таким образом два видения, бредовое и реальное, остаются отличными и разделенными. Оба имели одинаковый характер реальности. Бред характеризовался не только спутанностью между внутренним и внешним, но также и тем, что он являлся конкретным фактом, который психика не могла трансформировать ввиду его чувственного характера.

Как можно видеть, особая трудность этой терапии заключалась в том факте, что бред мог временами исчезать, но всегда был готов реактивироваться с вирулентностью; несмотря на периоды покоя, психотическое функционирование сохраняло нетронутым свой патогенный потенциал. Важно, что Франческо и я, несмотря на присутствие бредовых тем, смогли реконструировать детский опыт и увидеть, что психотический процесс был связан с грандиозным инфантильным отчуждением.

Франческо вырос в состоятельной семье среднего класса без каких-либо видимых травм, но он не был «нормальным» мальчиком. В детстве случались эпизоды, которые порой беспокоили как учителей, так и родителей: он убежал из школы (иногда с товарищем по приключениям), чтобы совершать исключительные поступки и бросать вызов взрослым; однажды он спрятался на такое продолжительное время, что встревоженные взрослые позвонили в полицию.

Когда я встретил его впервые, Франческо рассказал мне, что у него были замечательные родители, которые никогда его не ругали и тем более не наказывали. Я обнаружил позже значение этой информации: речь шла о родителях, неспособных к присутствию, к тому, чтобы вызывать у него необходимую фрустрацию и структурировать его личность.

Франческо жил в грандиозном инфантильном отчуждении, не замеченный родителями; в некоторых случаях, однако, казалось, что они беспокоились о нем, поскольку водили его к психологу, которому ребенок рассказывал, что он их ругал и бил. Психолог не посчитал ребенка проблемным и вместо этого посоветовал матери обратиться к кому-нибудь за помощью.

Я был убежден в том, что Франческо, долгое время проживший в фантастическом и нереальном мире, не был способен по мере взросления выдерживать фрустрацию и трудности жизни. Когда он стал взрослым, существование оказалось более тяжелым, чем он мог вынести в состоянии

прежней постоянной эйфории, и в определенный момент ненависть к фрустрирующей жизни трансформировала его мир из идеального-мегаломанического в мегаломанический-преследующий.

Вера в свою исключительность была лейтмотивом его детства и подросткового возраста; он должен был побить все рекорды: он устраивал турниры с младшими кузенами, которые, естественно, проигрывали, или прежде, чем пойти в школу, заставлял отца объяснять ему математику, чтобы удивить преподавателей и товарищей. Разумеется, он не переносил замечаний взрослых, и тогда, когда это случалось, он реагировал яростным гневом.

Я также много работал над неспособностью Франческо понимать реальность, особенно его собственные эмоциональные переживания и переживания других. Он как будто привык наблюдать за миром со стороны, без реального участия, или классифицировать его по простым признакам морального характера: хороший – плохой, эмпатичный – неэмпатичный, знакомый – незнакомый и так далее.

Важно то, что в ходе этой длинной и сложной терапии Франческо и я, даже когда наступал очередной кризис, которой перечеркивал всю проделанную работу, не потеряли веру в аналитическую работу. Во время каждого кризиса я старался понять, что случилось, что вызвало ухудшение, как функционировала его психика. Франческо был действительно хорошим пациентом, он оставался вовлеченным в анализ и всегда взаимодействовал, делая возможным обсуждать и понимать происходящее.

Один факт, который меня очень поразил во время анализа последнего периода, – это то, что, пристальнее вглядываясь в первые годы своей жизни, Франческо осознал, что не помнит ничего о своем детстве. До возраста семи или восьми лет он не помнил ни о детском саде, ни о первых годах начальной школы; у него не было воспоминаний о товарищах по играм, не считая нескольких эпизодов буллинга, жертвой которого был он. Сравнивая себя с сыном, о котором он продолжал заботиться, эту разницу он ощущал еще более радикальной.

Было очевидно, что Франческо, долгое время живший в воображаемом мире по разным причинам, сохранил очень детский и наивный характер: казалось, что он не смог развить силу характера в постоянном опыте отношений с другими значимыми людьми.

Однажды я спросил Франческо, что было причиной его частых рецидивов бреда. Он мне сказал, что чувствует себя как река, берега которой разрушены и наводняют прилегающую равнину. Благодаря терапии дамбы были восстановлены, но оставались еще каналы, в которые продолжала затекать вода реки. Он также добавил, что в детстве и подростковом возрасте он много и подолгу уединялся в своем фантастическом мире и что его рецидивы бреда в итоге стали почти обыкновением.

В заключение я приведу два сна, которые Франческо принес в последней части анализа, в которых он сосредоточился на том, чтобы понять причины своего психотического заболевания.

В первом сне он должен был примирить партии американских демократов и республиканцев, которые обе находились у власти, но продолжали

оставаться парализованными своими конфликтами. Во сне Франческо сидел во главе стола и беседовал с ними, чтобы привести их к преодолению трудностей.

Во втором сне он встретил президента республики, которого он приветствовал с уважением. В ответ президент широко ему улыбнулся, как будто знал его и был с ним знаком, что его взволновало и осчастливило.

Рассказывая эти сны, Франческо отметил, что это были психотические сны. Я поправил его, сказав, что мне они показались снами его детского психоза, когда он считал себя родителем отца и матери. На самом деле он мне рассказал, что его родители часто ссорились и однажды разбудили его во время сна. Он встал и отчитал и отца, и мать. Затем вернулся спать, и тишина, последовавшая за его вмешательством, убедила его в том, что ему удалось вернуть родителей на правильный путь.

Мы оба согласились с тем, что второй сон воспроизводил его связь с волнующим родителем, как случилось в его раннем детстве, когда он был нарциссически соблазнен отцом. Отсюда началась его мегаломания, в которой он был уверен, что ему уготованы великие дела. Психическое отчуждение в его случае подкреплялось психическим отсутствием родителей, сопровождавшимся их нарциссической поддержкой.

По причине затянувшегося надолго психотического состояния сразу же работать с детским опытом Франческо не представлялось возможным. Только во второй части его анализа я смог связать психотическое развитие с грандиозным инфантильным отчуждением.

Хотя у пациента однажды развился бредовый перенос на меня, который был сконтейнирован за короткое время, преобладающий перенос был по типу нарциссического слияния, что повторяло привилегированные и волнующие отношения с отцом в детстве. Но помимо анализа переноса я считаю, что в случае Франческо было необходимо работать над структурированием отношений между аналитиком и здоровой частью пациента, чтобы проанализировать третью вершину треугольника, его психотическую и бредовую часть.

Я надеюсь, что благодаря описанию этого клинического случая мне удалось существенно усилить мою идею о том, что, только придя к пониманию происхождения и природы психотического процесса, можно разработать способ лечения этого психического состояния. Я постарался также показать, насколько важно проводить раннюю динамическую диагностику детям, живущим в уединении. Начав аналитическую терапию, они смогут развивать здоровые части своей личности и избежать опасности возможного психотического развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bion W. (1967) *Analisi degli schizofrenici e metodo psicoanalitico*. Roma, Armando, 1970.
2. De Masi F. (2000) The unconscious and psychosis. Some considerations on the psychoanalytic theory of psychosis. *Int. J. Psychoanal.*, 81, 1–20.
3. De Masi F. (2006) *Vulnerabilità a la psicosi*. Milano, Raffaello Cortina.

4. *De Masi F.* (2018) Svelare l'enigma de la psicosi. Fondamenti per una terapia analitica. Milano, Mimesis.
5. *Freud S.* (1910) Osservazioni psicoanalitiche su un caso di paranoia (dementia paranoides) descritto autobiograficamente (caso clinico del Presidente Schreber). O.S.F., 6.
6. *Freud S.* (1924) Nevrosi e psicosi. O.S.F., 9.
7. *Goncharov I. A.* (1859) Oblomov. Milano, Garzanti, 2000.
8. *Grandin T.* (2011) Pensare in immagini. Trento, Erickson, 2011.
9. *Klein M.* (1930) La psicoterapia delle psicosi. In: Scritti 1921–1958. Torino, Boringhieri, 1978.
10. *Morello P. C.* (2016) Macchia, autobiografia di un autistico. Milano, Salani.
11. *O'Shaughnessy E.* (1992). Psychosis: Not thinking in a bizarre world. In: R. Anderson (a cura di). Clinical Lectures on Klein and Bion. London, Tavistock, 89–101.
12. *Steiner J.* (1993) I rifugi de la mente. Torino, Boringhieri, 1996.
13. *Williams D.* (2013) Nessuno in nessun luogo. Roma, Armando.
14. *Winnicott D.* (1971) Sogno, fantasia e vita reale. In: Gioco e realtà. Roma, Armando, 1974.

Psychic Withdrawal: Consequences in Children Children and Adults

F. De Masi

(Translated from Italian by Rosa Sakhle)

Franco De Masi, psychoanalyst, psychiatrist, ordinary member of the Italian Psychoanalytic Society, he was Secretary of the Milan Section of the National Training Institute and President of the Milanese Center of Psychoanalysis.

In this paper I will try to define the concept of psychic retreat giving particular space to the infantile one. My hypothesis is that the infantile psychic withdrawal, which splits the child from the relational world, induces a mental state of a sensory imaginative type that can lead to psychotic alienation in adulthood. Childhood withdrawal should be differentiated from the autistic spectrum disorder which develops differently and takes different paths. In the second part of the paper I briefly describe the long analysis of a psychotic patient who had lived for a long time in a childhood retreat. The ongoing work on his particular way of creating a dissociated reality (sensory in childhood and then delusional) gradually led to the resolution of his psychotic state and to the development of emotional and relational skills.

Keywords: Asperger's syndrome, autistic spectrum disorders, psychic withdrawal, psychosis.